

УДК 94(571.1/.5): 378

ДЕТЕРМИНАНТЫ ГЕНЕЗИСА ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ В РАМКАХ СИБИРСКОГО НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО КОМПЛЕКСА: СИНТЕЗ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ

Дмитрий В. Хаминов^{1, @, *}

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36*
[@] khaminov@mail.ru

*Поступила в редакцию 06.03.2017.
Принята к печати 17.05.2017.*

Ключевые слова: Сибирь, историческая наука, высшее образование, советский период, модернизация, внутренняя колонизация, центр-периферия.

*** Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук «Историческое знание во второй пол. XIX – нач. XXI вв. как конструкт общественно-культурного сознания, политико-идеологической и гражданской идентичности: связь времен и поколений (на примере сибирского научно-образовательного комплекса)» (МК-6824.2016.6).**

Аннотация: Статья посвящена анализу опыта методологического синтеза, осуществленного при реконструкции эволюции исторической науки и высшего исторического образования в Сибири. Применительно к объекту исследования использовались три подхода: теория модернизации, теория внутренней колонизации и концепция центр-периферийных отношений. Критический анализ различных исследовательских стратегий позволил выявить и сформулировать их совокупный эвристический потенциал, который может быть актуализирован и применен на современном этапе исторических исследований на уровне любого российского макрорегиона. Недостатки и издержки их исследовательского применения компенсируются при условии комплексного использования и взаимного дополнения. Полученные с помощью их синтеза результаты позволяют судить о сложившейся в XX в. сибирской макрорегиональной системе исторического образования и науки как о сложном многофакторном социально-политическом феномене, выполнявшем прежде всего интегративную функцию в пространстве общественного сознания. Советские практики организации и проведения исторических исследований в рамках системы высшей школы на территории сибирского региона соответствуют траекториям и логике развития центр-периферийных отношений. Формирование советской научно-исторической картины мира проходило в контексте социально-политической и социально-культурной эволюции советского государства и в целом укладывалось в русло модернизационных процессов, инициированных ещё во втор. пол. XIX в.

Для цитирования: Хаминов Д. В. Детерминанты генезиса исторического образования и науки в рамках сибирского научно-образовательного комплекса: синтез методологических подходов // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 3. С. 96–103. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-96-103.

Последнее десятилетие дает возможность наблюдать возрастающее внимание к исторической проблематике как со стороны государства, так и различных общественных групп. Актуализация исторического в пространстве общественно-политического дискурса, с одной стороны, свидетельствует о до сих пор непреодоленном социокультурном расколе, с другой же, – несет в себе определенные возможности для формирования целостного национального культурно-исторического поля, в рамках которого в дальнейшем происходило бы выстраивание базовых конструктов общероссийской идентичности. В то же самое время стоит иметь в виду, что исторический материал сам по себе мало чем интересен общественному сознанию: свое значение предметно-событийная канва национальной истории обретает лишь в контексте диалектического единства с социально обусловленной традицией интерпретации и прочтения исторического метанарратива, порождающего в свою очередь систему символов и смыслов, являющуюся в конечном счёте основой мировосприятия и миропонимания. В этом ключе принципиальную важность имеют те институты и механизмы, которые принимают непосредственное участие в процессах складывания национальной традиции

историописания. В первую очередь речь идет о ведущем сегменте самовоспроизводства индустриальной цивилизации – системе науки и высшего образования. Специфика ее в этом отношении заключается в том, что она, являясь прямым продуктом своего социума, одновременно определяет его основные параметры. Отдельный исключительной важности аспект данной проблемы состоит в том, что уход от абстрактного универсализма в описании вышеозначенных процессов требует особого внимания к феноменам локального в общем историческом пространстве, так как именно они, являясь объектами национально-государственных социально-культурных практик, определяют конкретные формы исторического сознания.

Возникший в последние два десятилетия интерес к региональной истории науки и высшего образования (в том числе их социогуманитарного сегмента) обеспечил относительно широкий круг литературы, посвященной разным аспектам данной проблематики. Как правило, основной массив исследований носит конкретно-исторический характер: от реконструкции истории отдельных учреждений, институтов и их структурных подразделений до научно-биографических работ, посвященных отдельным персоналиям. Большинство

исследователей, как правило, фокусируются на советском периоде. При этом в рамках отечественной историографии имеется определенная размытость в понимании данного направления: одни авторы занимаются анализом и интерпретацией взаимоотношений научной интеллигенции и власти, другие же основной акцент делают на характеристике материально-бытового положения научных кадров в разное время, реконструируя систему горизонтальных и вертикальных коммуникаций внутри советского социума. Иными словами, современная историография социальной истории отечественной науки являет собою достаточно емкое проблемное поле.

Долгое время приоритет в локально-региональном ракурсе исследования проблем истории науки, высшего образования, научно-педагогической интеллигенции Сибири советского периода принадлежал коллективам новосибирских историков (профессора В. Л. Соскин, М. В. Шиловский, С. А. Красильников, Е. Г. Водичев). С конца же 1990-х гг. проблемы истории науки и высшего образования в Сибири начинают активно разрабатываться в Томске научной школой профессора С. Ф. Фоминых (С. А. Некрылов, М. В. Грибовский, А. Г. Костерев, Д. В. Хаминов) [1–3]. Отдельно стоит упомянуть весьма плодотворную деятельность в данном направлении томского профессора В. В. Петрика [4]. Кроме того, за последнее время вышел ряд работ кемеровского историка Н. В. Камеровой, посвященных партийно-государственной политике по отношению к историческому образованию и науке, в т. ч. и в Сибири [5].

Тем не менее бросается в глаза недостаток обобщающих научных трудов, рассматривающих феномен сибирской исторической науки в контексте социальной истории и общей социокультурной ситуации.

Изучение истории науки и высшего образования в макрорегиональном масштабе видится перспективным лишь в контексте комплексного анализа общих для страны социально-экономических и культурных процессов. При этом необходимо учитывать все многообразие специфики местного их протекания, обусловленной, в свою очередь, целым рядом факторов локального генезиса, радиус действия которых и служит основанием для собственно макрорегионального деления.

Исходя из всего этого, решение поставленных задач представляется возможным в рамках привлечения нескольких взаимодополняющих исследовательских стратегий, фокусируясь на предмете с разных ракурсов. Это позволит аккумулировать позитивный потенциал каждой из них, одновременно избегая абсолютизации их отдельных положений.

Одно из главных положений работы, служащее несущим конструктом всего разработанного концепта, состоит в том, что вышеозначенная специфика обуславливает целесообразность увязки истории таких сложных социокультурных объектов, как система науки и высшего образования с магистральными модернизационными трендами, пронизывающими отечественный хронотоп на протяжении более полутора веков. Иными словами, основа используемого инструментария представлена теорией модернизации, как нельзя лучше подходящей для реконструкции и описания тех процессов, что, развернувшись в перв. пол. XX в., в конечном счете

сформировали отечественную науку и высшее образование в их современном виде.

В категориальный аппарат российской науки термин «модернизация» был привлечен для объяснения проблем развития российского общества в постсоветскую эпоху. Это произошло сравнительно поздно и осуществилось путем заимствования из работ европейских и американских ученых. Модернизация в России до сих пор зачастую трактуется в рамках марксистской традиции линейной модели, как переход от традиционного общества к современному [6]. Лишь в последнее время в научном сообществе наблюдается отход от упрощенных схем, признание многовариантности модернизационных процессов, отказ от изображения модернизации в виде простой замены традиционной социальной организации либеральными институтами.

В самом общем виде принято выделять две основных составляющих модернизации: социально-экономическую (научно-техническую) и общественно-политическую (социокультурную). При этом дискуссионным остается вопрос о том, какая из них является направляющей, а какая – производной. Ответ на этот вопрос будет зависеть от того, какой тип модернизации рассматривается в конкретном случае – органический или догоняющий. Органический тип инициируется опережающими социокультурными изменениями, догоняющий же, наоборот, предусматривает примат заимствованных организационно-технических форм, взаимодействие которых с местной средой определяет траекторию дальнейшей социокультурной эволюции. Первый характерен для стран раннего генезиса капитализма и развитых демократических традиций, второй – для пассажиров т. н. «второго эшелона развития».

Сразу же стоит оговориться, что отечественный модернизационный опыт (и в том числе актуальная в нашем случае его советская составляющая) вне всяких сомнений относится к догоняющему типу. При этом некоторые исследователи склонны утверждать, что советский модернизационный рывок своим результатом имел индустриальное общество современного типа, принципиально отличавшееся от западного, но сопоставимое с ним [7, с. 22]. В дальнейшем это дало определенные основания для развития различных направлений теорий индустриализма и конвергенции (Р. Арон, Д. Белл, Д. Гэлбрейт). Для объяснения же феномена социалистической модернизации в современную науку был даже введен термин «квазимодернизация» [8]. Смысл его состоит в том, что все отечественные модернизационные попытки были двух видов: либеральные, которые обычно не завершались и были малоэффективными, и авторитарные, которые были квазиэффективными, поскольку они давали быстрый результат, но затем приводили к откату назад [9].

Высшее образование и наука как отдельная подсистема и социальный институт вполне правомерно могут быть отнесены к социально-культурной сфере. Тем более, если речь идет о научно-историческом знании, имеющим под собой явные национально обусловленные основания. В то же время специфика российской интеллектуальной истории такова, что отечественный научно-образовательный кластер не был органически порожден собственной культурной средой – первоначально он был

механически привнесен извне в ходе первой серьезной модернизационной попытки (т. е. являлся одной из частей тех самых заимствованных организационных форм, обеспечивавших прежде всего технико-экономическое развитие). Несмотря на это, российская система науки и высшего образования достаточно органично вписалась в общий социокультурный ландшафт, со временем взяв на себя функцию ретранслятора культурных смыслов, социальных идеалов и образцов поведения. Такое промежуточное положение предмета исследования в системе социально-исторических координат является важнейшим исходным положением данной работы и основой для всех дальнейших теоретических построений.

Другим не менее важным аспектом отечественной модернизации является географический фактор, оказавший парадоксальное влияние на ее протекание. Относительная сырьевая избыточность огромной страны, с одной стороны, обеспечивала необходимый для модернизации ресурс, с другой, – способствовала сохранению тех самых социокультурных факторов, что регулярно сбрасывали набранную системой по ходу очередного модернизационного цикла сложность, сводя в конечном счете его достижения на нет. И в этом отношении исключительно показательна Сибирь, ставшая одновременно и ресурсно-сырьевой базой и своеобразным «полигоном» советской модернизации, на котором апробировались и внедрялись новые формы организации экономической, социальной и научной жизни (от «урало-сибирского метода» и концепта «города-сада» до академгородков). В силу этого социальные и культурные аспекты модернизации в Сибири зачастую проявляли себя несколько иначе, нежели в Центральной России. Тем не менее, Сибирь прошла те же ступени модернизации, что и Россия, имея при этом свои особенности, в частности отставание по времени от аналогичных российских процессов, связанное с зависимостью модернизации Сибири от капитала центра страны, сырьевой направленности сибирской индустрии, а также долгое время имевшей место быть кадровой зависимостью [10].

Таким образом, когнитивный потенциал теории модернизации вполне позволяет вскрыть системообразующие факторы и закономерности эволюции научно-образовательного кластера советской общественно-политической системы. Рассмотрение предмета исследования сквозь призму модернизации подразумевает, что советская историческая наука и система высшего исторического образования являлись своеобразным модернизационным инструментом двойного назначения. С одной стороны, они, играя роль научной подпорки официальной идеологии, были призваны с марксистских позиций легитимизировать изменения социально-политических реалий, с другой же, – обеспечивали адаптацию новых модерновых форм организации жизни к традиционной социально-культурной матрице посредством выстраивания нового советского исторического метанарратива.

Первоначальный отказ большевистского руководства от традиционных форм преподавания и изучения истории был обусловлен наличием еще неисчерпанного футуристического заряда советского утопического проекта. Гуманитарное знание и общественные науки не имели в его глазах актуальности, представляясь отживающими реликтами навсегда ушедшей в прошлое эпохи. В отношении же естественных и точных наук в пер-

вые годы своего существования молодое советское государство довольствовалось остатками потенциала старой научно-образовательной системы. После официального взятия принципиального курса на индустриализацию страны началось собственно советское научное строительство, общие контуры которого примерно соответствовали общемировым тенденциям первой пол. XX в., и шедшее по траекториям, намеченным еще в царской России уже накануне Первой мировой войны (создание т. н. «большой науки» с мощным государственным финансированием, централизованным планированием научных исследований по приоритетным направлениям, сетью государственных научно-исследовательских институтов).

Чуть позже советское государство обратило свое внимание и на общественные науки, важнейшей из которых постепенно становится история. Возрождение и достаточно широкое развитие высшего исторического образования внешне происходило на принципиально новых методологических и методических основаниях – воспитание нового советского человека путем изучения истории сквозь призму исторического материализма. Эти аспекты, безусловно, имели место быть и определялись политическими и идеологическими целями и задачами партии. Непосредственным образом это нашло свое отражение в появлении новой отрасли советской исторической науки – истории партии («История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс», вышедший в 1938 г. под редакцией Комиссии ЦК ВКП(б)).

Внутренне же содержание этого процесса было гораздо сложнее и заключалось прежде всего в выстраивании системы ценностно-смысловых конструктов, обеспечивавшей функционирование механизма формирования новой этнополитической идентичности, основанной на осознании закономерности и неизбежности советского исторического этапа через ощущение личной сопричастности к социалистическому строительству. Идеологизированность советского видения исторического процесса и примитивизация принципов марксистской историософии не отменяют главного – советская историческая наука и высшее историческое образование предполагали рациональное постижение истории, осмысление ее в категориях объективных закономерностей, основных движущих сил, стадийальной градации. Очевидно, что все это – атрибуты современного сознания и восприятия социального времени, характерные для индустриальных обществ втор. пол. XIX – перв. пол. XX вв. Иначе говоря, базис советского исторического сознания, формируемый высшей школой, принципиально ничем не отличался от основ буржуазного национального самосознания – общая логика модернизации диктовала формирование схожих форм ретроспективной социальной аутоперцепции.

Второй составной частью привлеченного к настоящему исследованию инструментария явилась концепция «центр-периферийных» отношений, существенно дополняющая и расширяющая положения теории модернизации в плане анализа советской государственной политики в сфере высшего образования и науки, в частности, для освещения проблем регионализации вузовской исторической науки и подготовки историков.

В контексте теории модернизации центр выступает в роли «прогрессора», аккумулирующего потенциал развития региональной периферии, являющейся одновременно и ресурсом модернизации, и ее объектом. Для периферии характерна традиционная структура экономических отношений, доминирование традиционных культурных ценностей и социальных институтов. В целом периферийная архаика выступает как главное препятствие на путях протекания модернизационных процессов.

Непосредственно в научной сфере исходной предпосылкой для развития системы понятий центр-периферийных отношений служит идея об уровне творческой активности национального научного сообщества и его неравномерном распределении по регионам. Таким образом, в функционировании государственного научно-образовательного пространства существенную роль играет центр-периферийное структурирование [11]. В соответствии с ним выделяется столичная (центральная) и провинциальная (периферийная) наука.

Необходимо подчеркнуть, что наложение классической схемы «центр-периферия» на отечественные реалии (и речь здесь идет не только о науке) видится предельно проблематичным: необходимо учитывать всю специфику властных и социальных отношений в советском государстве, а также все многообразие факторов, на них влиявших. В нашем случае наиболее предпочтительным решением видится следование своего рода «принципу дополнительности», предусматривающему органическое сочетание обеих стратегий: вне всяких сомнений, становление региональных научно-образовательных комплексов шло в русле процесса формирования российской модерности, прервавшегося в 1917 г. и возобновившегося в годы индустриализации и культурной революции; при этом, магистральная логика научного строительства на периферии неизбежно преломлялась сквозь призму региональной специфики.

Третьей частью методологической основы стал концепт «внутренней колонизации», предлагающий новое наполнение центр-периферийных отношений в контексте осмысления отечественного модернизационного опыта (и, что важно, в том числе его регионального аспекта). Название этой методологии отталкивается от такого явления, как «внутренний колониализм», который в изначальном и самом широком своем понимании трактовался как система внутренней колонизации, в рамках которой происходит освоение ресурсов государства силами этого же государства. Позднее акценты в рассмотрении проблем внутреннего колониализма смещались то в одну, то в другую сторону: одни исследователи использовали его для описания социально-экономических процессов в странах третьего мира в марксистском и неомарксистском ключе, другие прибегали к нему в анализе межнациональных и межкультурных взаимоотношений в постколониальный период.

Идея «внутренней колонизации» как ведущего фактора российской истории сложилась в нач. 2000-х гг. [12] и вскоре приобрела достаточно большое количество сторонников [13]. Сам по себе термин «внутренняя колонизация» далеко не нов, но в историософской интерпретации А. М. Эткинды его значение расширяется до рамок объяснительной модели. Весьма показательно то, что данная концепция зачастую подвергается достаточно

жесткой критике, в то время как отдельные ее элементы сформировались и были озвучены независимо друг от друга целым рядом совершенно разных по профилю и направлениям исследователей задолго до этого. Помимо всего прочего, дискуссионная емкость темы говорит о ее актуальности и возможности получения нового знания.

Весьма характерно, что идея «внутренней колонизации» адресована в первую очередь не политической или экономической истории, а истории культуры и социальной истории. Именно в этом отношении просматривается актуальность ее привлечения к исследованиям по истории науки и высшего образования. Собственно образование, гуманитарная культура и централизация социальных исследований играют ключевую роль в инерции внутренней колонизации. Особенно же перспективным это видится в свете обращения к региональной проблематике в совмещенном ракурсе макроаналитического подхода к истории науки и т. н. «новой локальной истории». Рассмотрение региональной истории сквозь призму «внутренней колонизации» позволяет по-новому взглянуть на проблемы формирования социальных практик, новых поведенческих паттернов, хозяйственной деятельности местного социума, политико-идеологической и культурно-просветительской жизни жителей региона. Основной фокус же в данном случае следует сделать на проблеме формирования региональной идентичности, характеристиках процесса осознания социально-психологической и исторической общности на внутрирегиональном и общероссийском уровне.

Вполне очевидно, что историческая ретроспектива «внутренней колонизации» тесно переплетается с российским модернизационным опытом вообще: циклические кризисы ресурсно-зависимой имперской государственности раз за разом инициировали попытку системного обновления, целью и средством чего был выход на новые геостратегические рубежи. Таким образом, с одной стороны, поле внутренней колонизации пересекается с полем имперского, с другой, – внутренняя колонизация является одной из форм модернизации. Поэтому в нашем случае представляется вполне допустимым и целесообразным расширить границы применимости «внутренней колонизации», включив в них и советский период, неразрывно связанный с предыдущим общей модернизационной составляющей. Кроме того, советский модернизационный проект в силу ряда признаков можно считать имперским по своей форме [14].

Привлечение данного подхода наиболее продуктивно применительно к реалиям сибирского макрорегиона, ставшего в XX в. основной ресурсно-сырьевой базой страны, за счет которого по большому счету и был осуществлен очередной модернизационный рывок. Здесь же стоит упомянуть и своеобразную «родовую» черту сибирской науки и высшего образования, а именно – неразрывную их связь с процессами колонизации края, уходящую корнями гораздо глубже, нежели дата открытия первого сибирского университета. До сих пор используемый для обозначения этой ситуации эвфемизм «хозяйственное освоение» явно не адекватен пониманию глубинного содержания и сути тех процессов, что происходили здесь с кон. XIX до сер. XX вв. Гораздо более предпочтительной в этом плане видится концепция т. н. «внутренней колонизации».

С поправкой на местные реалии в известном смысле можно говорить о некоей научной «колонизации» Сибири, инициатором которой было не государство, а местная интеллигенция, отодвигавшая тем самым «культурный фронт» все дальше на восток. Государство же в данном случае лишь шло вслед за первопроходцами (зачастую с большим опозданием), организационно и институционально фиксируя достижение тех или иных рубежей. В этом отношении интеллектуальные и культурные процессы, протекавшие в Сибири, имели ту же логику и направленность, что и социально-экономические. Создание научно-образовательного комплекса в Сибири стало одним из важнейших компонентов государственной научной политики и осуществлялось в рамках логики «внутренней колонизации», объектом которой являлся геоэкономический потенциал региона, субъектами же ее выступали в равной степени, как государство, так и местное научно-педагогическое сообщество.

К 1917 г. научно-образовательное пространство Сибири представляло собою достаточно сложное и противоречивое явление: с одной стороны, имевшиеся на тот момент высшие учебные заведения (одновременно являвшиеся и форпостами науки на востоке страны) явно не удовлетворяли растущие потребности огромного развивающегося края, с другой, – к тому времени в общих чертах уже успел сложиться фундамент местного научно-образовательного комплекса, способный решать и решавший определенные задачи. В этом отношении главной особенностью Сибири было отставание по времени от аналогичных российских социокультурных процессов, определявшееся ее зависимостью от экономической, социальной и культурной политики государства.

Одним словом, сибирской действительности была присуща традиционно характерная для всей остальной России проблема – противоречие между масштабностью экономических и политических амбиций и слабостью внутренней инфраструктуры. Тем самым возможности частной инициативы в научной сфере у сибирской периферии были весьма ограниченными. Даже крупнейшие провинциальные города (Омск, Томск, Красноярск и Иркутск) – центры активной общественной жизни, в отсутствие историко-филологических факультетов не имели материально-технической базы и достаточного числа квалифицированных специалистов для организации сколько-нибудь масштабных научных исследований. Научное освоение края носило очаговый и фрагментарный характер, что в свою очередь неизбежно тормозило темпы его социально-экономического и культурного развития (образно говоря, «научная колонизация» не поспевала за колонизацией политической и экономической).

Разрешение революционного кризиса 1917 г. обусловило логику дальнейшего развития и непосредственно вытекающую из нее следующую попытку модернизации. Испытания гражданской войны стали своеобразной «точкой бифуркации» для социокультурного пространства Сибири (весьма символично, что своего рода катализатором ее разгорания стала Транссибирская магистраль, одновременно и связывавшая и раскалывавшая разные части страны между собою). Определенной предпосылкой долгожданного открытия первых историко-филологических факультетов стала

эвакуация части профессуры за Урал (в Томск и Иркутск), значительно оживившая местную научную и общественную жизнь.

Начало высшему историческому образованию в Сибири было положено в 1917–1918 гг. с открытием в составе Томского и новообразованного Иркутского университетов (культурных, политических и научных центров Западной и Восточной Сибири соответственно) историко-филологических факультетов. Они вели, хотя и крайне непродолжительное время, подготовку историков, основываясь на традиционной классической системе российских университетов образца второй пол. XVIII – нач. XX вв.

Основные же события пришлось на 1920–1930-е гг. В этот период сибирский научно-образовательный комплекс, как и вся страна в целом, стал объектом глобального эксперимента. Он затронул систему управления вузами, содержание и методы преподавания, формы организации и направленность научно-исследовательской работы, подготовку и научно-педагогическую аттестацию профессоров и преподавателей вузов. Для непосредственно самого же только что появившегося высшего исторического образования в Сибири это имело самые печальные последствия – ликвидацию на более чем полтора десятилетия: в единственных сибирских университетах (Томском и Иркутском) вплоть до 1940 г. отсутствовали специализированные исторические структурные подразделения, где велась бы подготовка профессиональных историков. При этом открывавшиеся на протяжении 1930-х гг. педагогические и учительские институты в административных центрах и крупных городах сибирских регионов лишь отчасти решали эту проблему. Единственные в стране очаги исторического образования и науки сохранились лишь в стенах цитадели «науки центра» – Московском и Ленинградском университетах.

Стоит подчеркнуть важнейшую деталь – процессы советской модернизации ни в коей мере не ломали логику развития науки и высшего образования в Сибири. Именно к нач. 1940-х гг. местное научно-образовательное пространство достигло тех контуров своего расширения, что были намечены теоретиками из числа региональной интеллигенции еще во времена открытия первого сибирского университета в Томске. Более того – сама историческая наука, едва утвердившись к кон. XIX в. в качестве полноправного социального института в общероссийских масштабах, к сер. XX в., окончательно укрепив свои общественные позиции, приобрела такой же статус и в Сибири.

К нач. 1940-х гг. в СССР сформировалась историческая «наука центра», представленная ведущими научными школами Москвы и Ленинграда, базировавшимися как в академических структурах, так и в столичных вузах, и «периферийная» историческая наука вузов восточной части страны; последняя же на тот момент, исчерпала внутренние возможности для перехода к новым организационным моделям. В научно-образовательном пространстве Сибири воплотились общемировые научно-организационные тенденции, более ранние научно-организационные концепции, а также собственный («автохтонный») уникальный опыт научного строительства.

Великая Отечественная война явилась поворотным моментом и для системы организации размещения научного потенциала. После ее окончания увеличение количества исторических факультетов в сибирских вузах стало вопросом времени. Однако данная реструктуризация и появление в составе советской науки новых мощных исследовательских сегментов практически не сказались на деятельности региональной исторической науки, несмотря на то, что большинство инновационных научных структур было создано на периферии. Кроме всего прочего, военные испытания вызвали очередное перемещение кадрового потенциала (эвакуация большого количества крупных историков союзного уровня в Сибирь), усилив тем самым традиционную для сибирской науки черту, состоявшую в синтетическом характере местных научных школ. Ближе к концу войны начался уже обратный процесс – реэвакуация многих ученых в места их основного проживания и работы, что не могло не сказаться на интенсивности и уровне научно-педагогической деятельности сибирских вузов.

Для исторических факультетов большинства сибирских университетов и педагогических институтов период втор. пол. 1940-х – нач. 1950-х гг. стал достаточно сложным временем восстановления материально-технической базы, утраченного профессорско-преподавательского и студенческого состава. Деформированная еще со времен 1920-х гг. система подготовки историков отнюдь не способствовала быстрому восполнению числа высококвалифицированных преподавателей, процент которых в послевоенных вузах был предельно низким. Проблемы нехватки профессорско-преподавательских кадров на рубеже 1940–1950-х гг. многие вузы решали ставшим уже традиционным экстенсивным путем, приглашая совместителей и «выписывая» на штатные должности квалифицированных преподавателей из Москвы и других крупных научно-образовательных центров. Часть исторических факультетов и отделений вузов Сибири пополнялась в результате очередных политических и идеологических кампаний, проходивших в центре во втор. пол. 1940-х – нач. 1950-х гг.

В целом же сектор вузовской исторической науки в послевоенный период рассматривался, скорее, в качестве некой специальной отрасли официальной государственной идеологии и необходимого инструмента поддержания стабильности существующего политического режима (сама же социально-политическая стабильность понималась как проблема управляемости), нежели как особая сфера духовного творчества и подсистема культуры [15, л. 3 об; 16, л. 27–32; 17, л. 41]. Научно-образовательная политика в восточных регионах носила подчиненный характер, а формирование новых исследовательских направлений и научно-исторических школ в рамках вузов происходило ситуационно. Все вместе это накладывало определенные ограничения на возможности использовать советскую модель регионализации науки.

К сер. 1950-х гг. историческая «наука центра» концентрировалась вокруг Москвы и Ленинграда, региональная же историческая наука в Сибири представляла собой «периферию», стабильно отстающую и не имеющую внутренних импульсов для поиска и перехода к новым организационным моделям.

Таким образом, общее направление эволюции научно-исторического знания и высшего исторического образования в рамках системы советской высшей школы в первое послевоенное двадцатилетие вполне органично укладывается в общую канву советской модернизации (развитие советской системы высшего образования и науки в целом в период 1950-х – перв. пол. 1960-х гг. по большей части шло по инерции, основа которой была заложена в 1930-е гг.).

Определяющая тенденция, оформившаяся в период втор. пол. 1960-х – перв. пол. 1980-х гг., характеризовалась экстенсивным ростом периферийной сети вузов (так называемый процесс «университетизации»), одновременным изменением системы их внутренней организации, в результате чего исторические факультеты педагогических вузов и некоторых университетов, отделившись от филологических, стали самостоятельными учебно-научными подразделениями, значительно увеличив тем самым число своих студентов и штаты профессорско-преподавательского состава. Такие города, как Омск, Иркутск или Новосибирск, являвшиеся в разные времена центрами Сибири, имели в своих архивах документы, являвшиеся ценным источниковым материалом для местных исследователей. К примеру, на рубеже 1950–1960-х гг. кафедрой истории Омского педагогического института была утверждена комплексная тема «Очерки истории Западной Сибири (до 1917 г.)», в разработке которой принимало участие 6 человек из 10 [18, л. 136–137].

К концу советского периода «центр-периферийные» отношения в вузовской исторической науке Сибири, воспроизводя в своём развитии дихотомию «центра» и «внутренней периферии» (Южный Урал, Северный Казахстан, Дальний Восток), достигли пределов своего расширения, заложенных ещё на начальном этапе советского научного строительства. Протекавшие параллельно с этим процессы социально-экономического развития главным своим результатом имели совершенствование научно-образовательной инфраструктуры, что, в свою очередь, привело к трансформации социально-культурного облика самой сибирской провинции: в ряде региональных центров (Новосибирск, Томск, Иркутск) шло постепенное формирование целого ряда мощных оригинальных научных школ и перспективных исследовательских направлений, впоследствии достаточно успешно вписавшихся в постсоветский научный и культурный ландшафт [2].

Всё это позволяет сделать вывод о том, что практики реализации государственной научно-исторической и образовательной политики в Сибири в целом определялись объективными модернизационными трендами, осуществляясь в рамках центр-периферийных отношений, заложенных ещё в досоветский период. Конкретные организационные формы и конструкты общественного сознания, складывавшиеся в ходе этих практик, имели двойственную природу, неся в себе как черты территориально-культурной колонизации физического и символического пространства, так и признаки рациональных попыток формирования общенационального исторического самосознания, характерного для развитого индустриального общества.

Литература

1. Хаминов Д. В. Историческое образование и наука в Томском университете в конце XIX–начале XXI в. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. 270 с.
2. Костерев А. Г., Хаминов Д. В. Региональные научно-образовательные комплексы России: проблемы и перспективы изучения (на примере Западно-Сибирского научно-образовательного комплекса посл. четв. XIX в.–сер. XX в.) // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 375. С. 79–84.
3. Khaminov D. V. History and Historians in the Soviet Political and Ideological Structure in 1930s–early 1940s (case study: the Siberian Region) // *Bylye Gody*. 2014. № 34(4). P. 671–674.
4. Петрик В. В. Высшая школа Сибири в конце 50-х–начале 90-х годов XX века / Под ред. М. С. Кузнецова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. 648 с.
5. Камерова Н. В. Политика партии большевиков по отношению к исторической науке и кадрам историков в РСФСР–СССР в 1917–1938 гг. Краснодар: Новация, 2013. 176 с.
6. Суздалева Т. Р. Модернизация в понимании ученых // Модернизация как условие развития современной России. XI международная научно-практическая конференция. М., 2011. С. 42–46.
7. Дерлугьян Г. Модерн и модернизаторы // *Эксперт*. 2010. № 1. С. 18–24.
8. Суздалева Т. Р., Федоров К. В. «Догоняющая» модель модернизации: теоретические и историографические аспекты // *Гуманитарный вестник*. 2013. № 5. Режим доступа: <http://hmbul.bmstu.ru/catalog/histarch/russhist/67.html> (дата обращения: 3.03.2017).
9. Аузан А. А. «Колея» российской модернизации // *Общественные науки и современность*. 2007. № 6. С. 54–60.
10. Зиновьев В. П. Особенности становления индустриального общества в Сибири в XIX–нач. XX в. // *Проблемы истории, историографии и источниковедения России XVIII–XX вв.* Томск, 2003. С. 35–38.
11. Узбекова Ю. И. «Центр» и «периферия» в развитии академической науки в восточных регионах страны в XX в.: дис. ... канд. ист. наук; Томский гос. ун-т. Томск, 2010. 195 с.
12. Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / Авториз. пер. с англ. В. Макарова. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 448 с.
13. Родоман Б. Страна перманентного колониализма // *Трансформация российского пространства: социально-экономические и природно-ресурсные факторы (полимасштабный анализ)*. М.: ИГ РАН, 2008. Вып. 25. С. 130–138.
14. Шишков В. В. Политика Советского Союза как имперский проект // *ПОЛИТИЯ. Журнал политической философии и социологии политики*. 2013. № 2(69). С. 129–141.
15. Государственный архив Тюменской области (ГАТюмО). Ф. Р–765. Оп. 1. Д. 54.
16. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р–1596. Оп. 1. Д. 16.
17. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО). Ф. 607. Оп. 43. Д. 22.
18. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. Р–1027. Оп. 1. Д. 171.

DETERMINANTS OF THE GENESIS OF HISTORICAL EDUCATION AND SCIENCE IN THE FRAMEWORK OF THE SIBERIAN SCIENTIFIC-EDUCATIONAL COMPLEX: SYNTHESIS OF METHODOLOGICAL APPROACHES

Dmitry V. Khaminov¹, @, *

¹ National Research Tomsk State University, 36, Lenina Ave., Tomsk, 634050, Russia
@ khaminov@mail.ru

Received 06.03.2017.

Accepted 17.05.2017.

Keywords: Siberia, historical science, higher education, the Soviet period, modernization, internal colonization, centre-periphery.

** This research was supported by the Grant of the Russian Federation President for State Support of Young PhDs “Historical knowledge in the late 19th – early 21st centuries as a construct of socio-cultural awareness and political, ideological and civic identity: The link of times and generations (a case study of Siberian Scientific and Educational Complex)” (МК-6824.2016.6).*

Abstract: The article is devoted to analysis of the experience of methodological synthesis, carried out during the reconstruction of the historical evolution of science and higher historical education in Siberia. In relation to the object of study three approaches were used: modernization theory, the theory of internal colonization and the concept of centre-periphery relations. The critical analysis of various research strategies allowed us to reveal and formulate their cumulative heuristic potential which can be staticized and applied at the present stage of historical researches at the level of any Russian macro-region. Shortcomings and expenses of their research application are compensated on condition of their complex use and mutual addition. The results received by means of their synthesis make it possible to consider the Siberian macro-regional system of historical science and education which developed in the 20th century as a complex multiple-factor socio-political phenomenon performing, first of all, integrative function in the space of social consciousness. The Soviet practices of the organization and carrying out historical researches within system of the higher school on the territory of the Siberian region correspond to trajectories and logic of development the center – the peripheral relations. Formation of the Soviet scientific and historical worldview took place in the context of socio-political and socio-cultural evolution of the Soviet state and, in general, fit within the frame of the modernization processes initiated as early as in the second half of the 19th century.

For citation: Khaminov D. V. Determinanty genezisa istoricheskogo obrazovaniia i nauki v ramkakh sibirskogo nauchno-obrazovatel'nogo kompleksa: sintez metodologicheskikh podkhodov [Determinants of the Genesis of Historical Education and Science in the Framework of the Siberian Scientific-Educational Complex: Synthesis of Methodological Approaches]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2017): 96–103. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-96-103.

References

1. Khaminov D. V. *Istoricheskoe obrazovanie i nauka v Tomskom universitete v kontse XIX–nachale XXI v.* [Historical science and education at the Tomsk university at the end of XIX–the beginning of the 21st century]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2011, 270.
2. Kosterev A. G., Khaminov D. V. Regionalnye nauchno-obrazovatelnye kompleksy Rossii: problemy i perspektivy izucheniia (na primere Zapadno-Sibirskogo nauchno-obrazovatel'nogo kompleksa posl. chetv. XIX v.–ser. XX v.) [Regional scientific and educational complexes of Russia: problems and the prospects of studying (on the example of the West Siberian scientific and educational complex of the last quarter of the 19th century–the middle of the 20th century)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*, no. 375 (2013): 79–84.
3. Khaminov D. V. History and Historians in the Soviet Political and Ideological Structure in 1930s–early 1940s (case study: the Siberian Region). *Bylye Gody*, no. 34(4) (2014): 671–674.
4. Petrik V. V. *Vysshaia shkola Sibiri v kontse 50-kh–nachale 90-kh godov XX veka* [The higher school of Siberia in the late fifties–the beginning of the 90th years of the 20th century]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2006, 648.
5. Kamerova N. V. *Politika partii bol'shevikov po otnosheniiu k istoricheskoi nauke i kadram istorikov v RSFSR–SSSR v 1917–1938 gg.* [Policy of the party of Bolsheviks in relation to historical science and shots of historians in RSFSR–USSR in 1917–1938]. Krasnodar: Novatsiia, 2013, 176.
6. Suzdaleva T. R. Modernizatsiia v ponimanii uchenykh [Modernization in understanding of scientists]. *Modernizatsiia kak uslovie razvitiia sovremennoi Rossii. XI mezhdunarodnaia nauchno-prakticheskaiia konferentsiia* [Modernization as a condition of development of modern Russia: Proc. XI Intern. Sc.-Prac. Conf.]. Moscow, 2011, 42–46.
7. Derlug'ian G. Modern i modernizatory [Modern and modernizers]. *Ekspert = Expert*, no. 1 (2010): 18–24.
8. Suzdaleva T. R., Fedorov K. V. «Dogoniaiushchaia» model' modernizatsii: teoreticheskie i istoriograficheskie aspekty [The "catching-up" modernization model: theoretical and historiographic aspects]. *Gumanitarnyi vestnik = Humanitarian bulletin*, no. 5 (2013). Available at: <http://hmbul.bmstu.ru/catalog/histarch/rushist/67.html> (accessed 03.03.2017).
9. Auzan A. A. «Koleia» rossiiskoi modernizatsii [The “track” of the Russian modernization]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' = Social Sciences and modernity*, no. 6 (2007): 54–60.
10. Zinov'ev V. P. Osobennosti stanovleniia industrial'nogo obshchestva v Sibiri v XIX–nach. XX v. [Features of formation of industrial society in Siberia in XIX–the head of the 20th century]. *Problemy istorii, istoriografii i istochnikovedeniia Rossii XVIII–XX vv.* [Problems of history, historiography and source studies of Russia XVIII–XX centuries]. Tomsk, 2003, 35–38.
11. Uzbekova Iu. I. «Tsentr» i «periferiia» v razvitii akademicheskoi nauki v vostochnykh regionakh strany v XX v. Diss. kand. ist. nauk [“Center” and “periphery” in development of the academic science in east regions of the country in the 20th century. Cand. hist. Sci. Diss.]. Tomsk State. Univ. Tomsk, 2010, 195.
12. Etkind A. *Vnutrennaia kolonizatsiia. Imperskii opyt Rossii* [Internal colonization. Imperial experience of Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013, 448.
13. Rodoman B. Strana permanentnogo kolonializma [Country of permanent colonialism]. *Transformatsiia rossiiskogo prostranstva: sotsial'no-ekonomicheskie i prirodno-resursnye faktory (polimasshtabnyi analiz)* [Transformation of the Russian space: socio-economic and natural-resource factors (polymasty analysis)]. Moscow: IG RAN, Iss. 25 (2008): 130–138.
14. Shishkov V. V. *Politika Sovetskogo Soiuza kak imperskii proekt* [Policy of the Soviet Union as imperial project]. *POLITIIA. Zhurnal politicheskoi filosofii i sotsiologii politiki = Politeia. Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics*, no. 2(69) (2013): 129–141.
15. *Gosudarstvennyi arkhiv Tiimenskoi oblasti (GATiumO)* [The state archive of the Tumen region]. Found R–765, List 1, File, 54.
16. *Gosudarstvennyi arkhiv Novosibirskoi oblasti (GANO)* [The state archive of the Novosibirsk region]. Found R–1596, List 1, File 16.
17. *Tsentr dokumentatsii noveishei istorii Tomskoi oblasti (TsDNI TO)* [The Centre for Documentation of Recent History of Tomsk Region]. Found 607, List 43, File 22.
18. *Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti (IAOO)* [The historical archive of the Omsk region]. Found R–1027, List 1, File 171.